

С.Ш. Муслимов, А.С. Антипова

Исламские ценности в условиях толерантности

Обосновывается значимость толерантности во всех сферах социальной жизни в условиях глобализации современного мира. Особое внимание акцентируется на межконфессиональном диалоге как специфической форме толерантности и необходимости такого диалога в условиях многоконфессиональной России.

Несмотря на то, что проблема толерантности своими корнями уходит в глубокую древность, в той или иной форме, в различных смысловых контекстах рассматривалась в философско-этических учениях мыслителей всех предшествующих исторических эпох, в русском языке термин *толерантность* стал активно употребляться сравнительно недавно, с начала перестройки. В социально-философском смысле содержание понятия *толерантность* трактуется как «терпимость к чему-л. или кому-л., которая выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения»²³².

В постсоветской России в условиях политической нестабильности, обострения социальных противоречий, экономического кризиса, роста безработицы, религиозного экстремизма, напряженности в межнациональных отношениях, идеологического разброда возрастает особый интерес к исследованию проблем толерантности. Данные проблемы в самых различных модификациях, смыслах и проявлениях становятся темами многих диссертационных, монографических исследований, научно-теоретических и научно-практических конференций по гуманитарным дисциплинам. Особое внимание этим проблемам уделяется в поликультурных, многонациональных и многоконфессиональных субъектах Российской Федерации.

Значимость толерантности и интерес к ней во всех сферах социальной жизни возрастает в условиях глобализации современного мира. Обострение глобальных проблем человечества настоятельно требует ограничения различных форм соперничества и перехода к сотрудничеству и взаимопониманию не только между государствами, противоположными культурами, цивилизациями, но и между расами, этносами, религиями.

Межконфессиональный диалог, как правило, имеет целью преодоление конфронтации, формирование толерантных взаимоотношений между конфессиональными общностями, достижение мирного сосуществования религий и религиозных объединений, а в исламе – организацию сотрудничества по самым злободневным вопросам культуры мира и ненасилия.

Необходимо отметить, что призывы к терпимости и диалогу между различными вероисповеданиями, особенно между мусульманами и хри-

---

²³² См.: Словарь по этике / Под ред. Гусейнова А.А. и Кона И.С. – М., 1989. – С. 351.

стианами, активизировались после трагических событий 11 сентября 2001 г. в США, которые потрясли мир. Общий мотив этих призывов – привлечение представителей всех мировых религий к участию в дискуссиях, чтобы подтвердить свою приверженность к общечеловеческим ценностям.

В связи с указанными событиями известный мусульманский проповедник из Катара шейх Юсуф аль-Карадави в своем послании отмечал, что даже во время войны мусульманам не разрешается убивать кого-либо, кроме тех, кто противостоит им лицом к лицу. Мусульмане не должны убивать женщин, стариков, детей, а также монахов. Он акцентирует внимание на двух важных обстоятельствах. Во-первых, если террористический акт совершен мусульманином, то «мы во имя нашей религии осуждаем его и ставим ему это в вину и согласны с тем, что он заслуживает примерного наказания». Во-вторых, «при этом мы против того, чтобы все мусульмане несли бы за это ответственность, а ислам представляли бы религией, оправдывающей насилие и терроризм»²³³.

Таким образом, события 11 сентября 2001 г. в США, с одной стороны, еще более обострили противоречия между западной и арабо-мусульманской культурами, а с другой, привели мировую общественность к осознанию жизненной значимости налаживания конструктивного диалога между различными религиями, культурами и цивилизациями. Об этом свидетельствует также Международная конференция «Христианство и ислам перед лицом глобализации», проведенная в 2002 г. в Тегеране при участии Всемирного совета церквей (ВСЦ) и Организации по исламским и культурным связям Ирана.

Проблема поиска межконфессионального и межкультурного диалога и согласия особенно остро встала в России и странах СНГ в так называемый перестроечный период, который характеризуется кризисом экономических отношений, социальной и политической нестабильностью, интолерантностью в отношениях между нациями и религиями.

«Подлинный межрелигиозный диалог, – считает М.А. Алиев, – позволяет выявить общие ценностные установки, мировоззренческие взгляды, традиции. Для мировых религий таковыми являются многие из тех, которые лежат в основе идей культуры мира: идея единства человечества, уважение прав и жизни каждого человека, свобода, терпимость, справедливость, солидарность, забота об окружающей среде. Это обстоятельство создает благоприятные возможности для сотрудничества различных религиозных общностей в миротворческой, гуманитарной, экологической сферах, позволяет содействовать увеличению пространства справедливости и уменьшению неравенства, способствовать поощрению устойчивого экономического и социального развития, а также продвижению идеалов взаимо-

---

²³³ Белокреницкий В.Я. Реакция мусульманских стран на кампанию борьбы с терроризмом // Ближний Восток и современность. Вып. 12. – М., 2001. – С. 25.

понимания, терпимости и солидарности между всеми цивилизациями, народами и культурами»²³⁴.

Критериальными условиями продуктивного диалога культур и религий, на наш взгляд, могут быть следующие:

- признание всеми людьми, народами, конфессиями принципа духовного плюрализма, т. е. идеи равноправия всех религиозных, светских и иных мировоззренческих систем, убеждений, не имеющих антигуманной направленности;
- признание всеми конфессиями и их организационными структурами несостоятельности и внутренней конфликтогенности принципа отождествления религиозной веры с нравственной добродетелью, а неверия в бога с аморализмом;
- содействие процессу слияния всех современных мировых религий в единую мировую религию, которая заимствовала бы из них все лучшее, прогрессивное, общечеловеческое, оставив для истории все то, что разъединяет людей, подчеркивает исключительность какой-то одной религии, одной нации или расы.

В условиях полиэтнической и поликонфессиональной российской действительности представители разных религиозных верований самой судьбой обречены на взаимопонимание и содружество. В этом процессе многое зависит от того, насколько близки стороны диалога по вероучению и традиционности. Возможно, что в данных конкретных условиях православные и мусульмане, как люди Писания, скорее найдут общий язык, чем православный и католик, в силу разных жизненных ориентаций, сформировавшихся в течение многих веков. В то же время при всей близости ценностных установок подобные конфессии могут и не достигнуть взаимопонимания, если каждая из них будет отстаивать свое право на прозелитизм, т. е. обращение в свою веру сторонников других конфессий. Более того, сталкиваясь в этой деятельности между собой, они могут создать условия для новых конфликтов в межрелигиозных отношениях.

В литературе высказываются опасения по поводу усиления исламского прозелитизма и экстремизма. Исследователь С.В. Резник отмечает, что в последнее время отношение к мусульманам и их вере в российском обществе неоднозначное, особенно после того, как лозунг священной войны против неверных – «джихад» – стал активно использоваться в ходе вооруженных конфликтов сначала в Афганистане, затем в Чечне, а после 11 сентября 2001 г. превратился в своеобразную «визитную карточку» международного терроризма. В результате многих бесчинств, творимых так называемыми «борцами за веру», понятие «ислам» в общественном сознании стало ассоциироваться с насилием, агрессией и терроризмом, о чем свидетельствуют результаты социологических опросов.

---

²³⁴ Алиев М.А. Ислам и христианство в эпоху глобализации // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 2. – М., 2005. – С. 624.

После каждой акции «бойцов джихада» всегда подчеркивалось, что настоящий ислам к этим бандитам никакого отношения не имеет, что они только прикрываются исламской символикой, что ислам – это религия мира, а не войны. Тогда возникает правомерный вопрос – почему террористами в 80 % случаев в качестве прикрытия и идейного обоснования своих действий используется именно ислам, а не какая-нибудь другая религия? Для россиян это не абстрактный вопрос, ибо в стране численность мусульман достигает до 20 млн человек, растет число средних и высших мусульманских учебных заведений, строятся многочисленные мечети, активно проводится миссионерская работа, особенно через Интернет, результатом чего стало возникновение феномена «русского ислама». К настоящему времени количество русских, принявших ислам, исчисляется тысячами. Движение это пользуется поддержкой определенных политических сил и считается достаточно перспективным.

В данной ситуации немаловажно и то, какой позиции будет придерживаться официальное исламское духовенство в связи с дальнейшей исламизацией российского общества. Одним из главных вопросов в этом плане является вопрос об отношении ислама к иноверцам, и в особенности о применении к ним насилия²³⁵.

Действительно, мусульманский прозелитизм в последние годы проявляет определенную активность, что вызывает беспокойство со стороны православных верующих. По подсчетам РПЦ, число этнических русских, исповедующих ислам, составляет более 30 тысяч человек. По мнению Анатолия Артемьева, принятие ислама русскими связано с мусульманской пропагандой и насилием. Яркий пример – принятие ислама пленными солдатами в Афганистане и Чечне²³⁶.

Общественная организация «Союз православных граждан» в своем заявлении от 30 апреля 2002 г. выражает возмущение по поводу того, что в России ведется «разнузданная пропаганда мусульманского прозелитизма среди русских и других православных народов России... Всякий русский, предающий православную веру, веру своих предков, будет подвергнут самому жестокому политическому бойкоту со стороны православного большинства России»²³⁷. В ответ на данное заявление в программе российских мусульман отмечается, что «исламу чужд принудительный прозелитизм, т. е. использование мер давления на человека с целью его перехода из другой религии в свою общину. Проповедь осуществляется исключительно добровольно, мирно, на основе наилучших доводов ума»²³⁸. На самом деле, исто-

²³⁵ См. *Резник С.В.* Ислам в контексте этнорелигиозных процессов в современной России // *Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 2.* – М., 2005. – С. 658–659.

²³⁶ См.: *Кирчанов М.В.* Ислам и русская идентичность (к проблеме русского ислама как типа русской идентичности) // *Ислам на Северном Кавказе: история и современность // Материалы Всерос. научно-практ. конференции.* – Махачкала, 2006. – С. 259–263.

²³⁷ См.: Редакционная статья газеты «Все об исламе». № 2. 2002. Апрель-май.

²³⁸ См.: Основные положения социальной программы российских мусульман. ... – С. 27.

рия распространения ислама свидетельствует, что прозелитизм осуществлялся мусульманами различными методами и средствами: добровольно, экономическими льготами на захваченных территориях, а также насильственно²³⁹. Конечно, целенаправленная пропаганда «наилучших доводов ума», после чего верующий переходит в иную конфессию, также является одной из форм проявления прозелитизма, хотя она не противоречит принципам демократического общества.

Следует также отметить, что определенная часть молодежи, в том числе студенческой, считает допустимым насильственное навязывание своей религиозной веры другим людям. Так, социологический опрос 257 студентов Дагестанского государственного политехнического университета и Дагестанской государственной медицинской академии, проведенный Д.А. Эфендиевой в 2005 г., показал, что около 10 % считают допустимым насильственное навязывание своей религиозной веры другим людям, интолерантны к людям других убеждений и верований, способны в кризисных ситуациях проявить агрессивность в отношении идеологических противников²⁴⁰.

Как подчеркивают Магомедов А.М. и Ханбабаев К.М., укреплению толерантных этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане, препятствуют как внутренние, так и внешние факторы: геополитическое положение региона, где столкнулись интересы более 30 стран; наличие на Северном Кавказе вооруженных конфликтов, рост сепаратизма, нерешенность чеченской проблемы, а также проблем репрессированных, депортированных и «разделенных» народов, полиэтничный состав населения, принадлежащего к разным цивилизационным типам и находящегося на разных этапах модернизации; дестабилизирующая деятельность религиозно-политических экстремистов – ваххабитов и т. д.²⁴¹

Как же оценивают существующие в мире и в нашей стране межконфессиональные противоречия и конфликты лидеры религиозных организаций, официальное духовенство и защитники религиозных ценностей?

Очень четко свою позицию по данной проблеме изложил председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин в выступлении с символическим названием «Формирование умеренности в исламе – важнейший путь профилактики экстремизма» на Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму».

По мнению Равиля Гайнутдина, ислам не является первопричиной, источником экстремизма и терроризма, он не только не призывает своих по-

²³⁹ См.: Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. – Махачкала, 1996. – С. 195–207.

²⁴⁰ См.: Эфендиева Д.А. Отношение к неоваххабизму молодежи Северного Кавказа: Ислам на Северном Кавказе: история и современность // Материалы Всерос. научно-практ. конференции. – Махачкала, 2006. – С. 387.

²⁴¹ См.: Магомедов А.М., Ханбабаев К.М. Религия и процессы миротворчества в Дагестане // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень. № 2 (5). – Махачкала, 2003. – С. 7.

следователей к экстремизму и терроризму, но и осуждает их. «С одной стороны, – отмечал Р. Гайнутдин, – я говорю о том, что ислам не имеет отношения к экстремизму, а с другой – об экстремизме, окрашенном в цвета ислама. Противоречия здесь нет потому, что в *первом случае* речь идет об учении ислама, не требующем от верующего противостояния происходящим в обществе по воле Всевышнего Аллаха изменениям, об учении, приветствующем мусульманина, сохраняющего верность своей религии, живущего и действующего в соответствии с требованиями эпохи... Во *втором случае* речь идет о верующих, об их личном отношении к происходящим в жизни общества и личности изменениям. И мы не можем не признать, что среди российских мусульман встречаются *отдельные* люди, отрицательно относящиеся к сегодняшней действительности. В их понимании возрождение ислама, начавшееся в России после 1991 г., – это должен быть возврат к далекому прошлому, когда все сферы жизни без исключения находились под воздействием шариата и духовенства, возможность построить несбыточный всемирный исламский халифат... Таких людей не устраивает отделение государства и ислама, свобода многих сторон жизни и личности от прямого воздействия религии... Они считают себя борцами за истинный ислам и готовы обвинять в неверии не только последователей других религий, верующих в Единого Бога, но и своих единоверцев, не разделяющих их взгляды. Из таких людей и состоят экстремисты, такого рода люди и при- мыкают к ним»²⁴².

Шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-Заде, председатель Управления мусульман Кавказа, сопредседатель Межрегионального совета СНГ в своем выступлении «Ислам – религия мира и добра» на указанной конференции отметил, что он и Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей Второй двенадцать лет назад предложили срочные практические меры для оздоровления ситуации на Кавказе, направленные против радикализма и сепаратизма. Однако, к сожалению, их голос не был услышан. «Мы понимаем, – заявил Аллахшукюр Паша-Заде, – что ни одна конференция, даже самая представительная, не может дать готовых ответов на волнующие проблемы, выработать универсальные методы их решения. Думается, что прежде всего следует отчетливо прояснить следующие вопросы.

Первое: каковы истинные причины религиозно-политического радикализма и какова в этом роль внешних и внутренних факторов?

Второе: что может противопоставить государство, чтобы именно его идеалы имели притягательную силу для всех граждан независимо от национальности и вероисповедания?

И, наконец, третье: какую роль в урегулировании этих процессов должны играть государственные структуры, религиозные образования, об-

²⁴² Гайнутдин Равиль. Формирование умеренности в исламе – важнейший путь профилактики экстремизма // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Материалы Всерос. научно-практ. конференции. – Махачкала, 2007. – С. 32–33.

щественные организации? Каким образом должны быть скоординированы их действия?»²⁴³

По мнению Аллахшукюра Паша-Заде, одними из первостепенных являются проблемы религиозного образования, отданного на откуп зарубежным государствам и используемого ими не в наших интересах. Именно те, кто прошел подготовку за рубежом, являются идеологами и вдохновителями деструктивных сил. Выход он видит в создании Кавказского исламского образовательного центра, где готовились бы кадры для всех субъектов Юга России, для всех масхабов, которые исповедуются здесь. При этом достаточное внимание должно быть уделено и светским наукам, поскольку нужно воспитывать современных эрудированных религиозных деятелей²⁴⁴.

В последнее время наблюдается общая тенденция к сближению позиций между различными конфессиями, возникновение экуменических организаций и движений – христианский «Всемирный совет церквей», «Всемирный исламский конгресс», «Всемирное братство буддистов», которые уже выходят за рамки отдельных конфессий и имеют межрелигиозный характер. Так, в рамках СНГ функционируют Межрелигиозный совет Содружества Независимых Государств, Межрелигиозный миротворческий форум, в Республике Казахстан состоялся съезд представителей мировых и традиционных национальных религий.

При Президенте и Правительстве Республики Дагестан созданы Совет по взаимодействию с религиозными объединениями и Комиссия по вопросам религиозных объединений, а также воссоздан Комитет Правительства РД по делам религий, который взаимодействует с соответствующими структурами администрации Президента РФ, активно участвует в работе Совета по хаджу и т. д.

В условиях укрепления толерантных отношений в обществе официальное духовенство активно критикует исламский экстремизм –ваххабизм, подчеркивая, что данное течение не имеет никакого отношения к истинному исламу, который не призывает и не призывал к насильственному насаждению своих идей и ценностей среди приверженцев других религий и культур. В то же время оно умалчивает о том, что ваххабизм является официальной идеологией Саудовской Аравии – исламского центра для всех мусульман мира, где расположены основные святыни ислама, куда совершают хадж все мусульмане мира.

Известно, что исламский ренессанс в постсоветский период во многом был профинансирован Саудовской Аравией, и большинство мечетей на Северном Кавказе также построено при ее финансовой помощи. Вполне возможно, что определенная часть паломников во время хаджа вербуются в ваххабитские отряды для пропаганды экстремистских идей в республиках

---

²⁴³ *Шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-Заде. Ислам – религия мира и добра // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму // Материалы Всерос. научно-практ. конференции. – Махачкала, 2007. – С. 54.*

²⁴⁴ Там же. – С. 56.

Северного Кавказа, где сторонники исламского радикализма сохраняют устойчивые позиции.

В ваххабизме, на наш взгляд, следует выделить две стороны: идейно-теоретическую и практически-политическую, которые требуют разной оценки. Споры о чистоте ислама, о недопустимости внесения в него сомнительных новшеств и поклонения святым местам, о необходимости строгого соблюдения единобожия, недопустимости обожествления Мухаммеда; отрицание тарикатов и деятельности шейхов, отрицание свободомыслия в понимании и толковании священных текстов и т. д. – все это относится к области философии религии и может восприниматься верующими и даже неверующими по-разному, одобрительно или отрицательно. Все зависит от убеждений человека, уровня теоретических познаний, воспитания. Здесь каждый волен иметь свое мнение. По всей вероятности, поклонение шейхам и многочисленным святым местам является отходом от строгого единобожия и не укрепляет веру в единого Аллаха. Более того, святость многих шейхов сомнительна и фактически не подтверждается.

Что же касается претензий ваххабизма на политическую и государственную власть, установление в республиках Северного Кавказа исламской системы управления, насильственное навязывание мусульманской веры всем гражданам без исключения, то их несостоятельность очевидна²⁴⁵.

Что касается борьбы за веру (джихад), то она была и остается важнейшей ценностью ислама, которая трактуется в Коране в различных смыслах, отражающих конкретные условия деятельности Мухаммеда в мекканский и мединский периоды его жизни: 1) не входить с многобожниками в конфронтацию и склонять их к истинной вере «мудростью» и «хорошим увещанием»; 2) вести с врагами ислама оборонительную войну; 3) нападать на неверных, но так, чтобы военные действия не приходились на священные месяцы; 4) нападать на них «в любое время и повсюду»²⁴⁶. Конечно, лукавят те богословы, которые утверждают, что «ислам никогда не навязывался и не может быть навязан, ибо тогда это противоречило бы Корану»²⁴⁷.

В условиях толерантности богословы всех конфессий пытаются не только примирить религию с наукой, но и отождествить веру с знанием, теологию с наукой. Авторитет науки сегодня настолько высок, ее ценности настолько глубоко укоренились в сознании всех слоев общества, верующих и неверующих, образованных и необразованных, что духовенству и церкви ничего не остается, как всячески пытаться доказывать научность теологии, религиозного учения.

Особое усердие в этом направлении в последние годы проявляет РПЦ, о чем свидетельствовало «Открытое письмо Президенту Российской Феде-

---

²⁴⁵ См.: *Муслимов С.Ш.* Конфронтация или диалог мировоззрений // *Народы Дагестана.* 1999. № 4. – С. 47–48.

²⁴⁶ *Ислам: Энциклопедический словарь.* – М.: Наука, 1991. – С. 66.

²⁴⁷ См.: *Тагаев А.-Х.* Исламские ценности универсальны // *Народы Дагестана.* 2006. № 6. – С. 43.

рации В.В. Путину», подписанное десятью академиками РАН и опубликованное в СМИ в июле 2007 г. В письме выражается беспокойство ведущих ученых РАН по поводу «всевозрастающей клерикализации российского общества, активного проникновения церкви во все сферы общественной жизни». Письмо академиков было ответом на предложение РПЦ «о внесении специальности «теология» в перечень *научных специальностей* Высшей аттестационной комиссии и о сохранении теологии как самостоятельного *научного направления*». В своем письме академики высказались против просьбы РПЦ «о признании культурологической значимости преподавания основ православной культуры и этики во всех школах страны и о включении этого предмета в соответствующую область федерального образовательного стандарта»²⁴⁸.

«Верить или не верить в Бога, – заявляют в конце письма академики, – дело совести и убеждений конкретного человека. Мы уважаем чувства верующих и не ставим своей целью борьбу с религией. Но мы не можем оставаться равнодушными, когда предпринимаются попытки подвергнуть сомнению научное знание, вытравить из образования «материалистическое видение мира», подменить знания, накопленные наукой, верой. Не следует забывать, что провозглашенный государством курс на инновационное развитие может быть осуществлен лишь в том случае, если школы и вузы вооружат молодых людей знаниями, добытыми современной наукой. Никакой альтернативы этим знаниям не существует»²⁴⁹.

В условиях, когда государство взяло церковь под свою опеку, официальные лица нарушают принципы светского государства, принимая, например, законы о выдаче дипломов государственного образца выпускникам религиозных заведений, защитники религиозных ценностей открыто или завуалировано ведут борьбу с научным мировоззрением, сеют вражду между верующими и неверующими. Право людей на нерелигиозные убеждения постепенно стало исключаться из понятия о свободе совести.

Совершенно прав в этом плане профессор С.И. Муртузалиев, когда заявляет: «Пока не будет истинной свободы не только для верующих, но и для инакомыслящих, для атеизма, заклеянного патриархом Алексием II как «так называемое мировоззрение», пока не будет достигнуто взаимопонимание между светскими и церковными организациями, пока не прекратятся внутрицерковные и межконфессиональные распри... вряд ли можно ожидать, что российские верующие и неверующие последуют записанному в Нагорной проповеди требованию христианского всепрощения: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь на обижающих вас и гонящих вас»²⁵⁰.

²⁴⁸ См.: Открытое письмо Президенту Российской Федерации В.В. Путину // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2007. № 6. – С. 33–34.

²⁴⁹ Там же. – С. 34.

²⁵⁰ *Муртузалиев С.И.* Конфессиональные факторы в системе образования (светское – религиозное) и толерантность // *Современные проблемы теории и практики межэтнических отношений (К 80-летию Ахеда Агаева)*. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2004. – С. 146.

Для формирования мировоззренческой и межконфессиональной толерантности ущербной является попытка проталкивания государственной идеологии, основанной на ценностях православия или ислама. Она может только усилить межконфессиональные и межнациональные противоречия в обществе. Эта мысль отражена и в рекомендациях Всероссийской научно-практической конференции «Ислам на Северном Кавказе: история и современность», где, в частности, говорится: «... преподавание в школах основ какой-либо религии означает возведение этой религии в религию государственную, что нарушает конституционный принцип отделения школы от церкви. Это также может способствовать разобщению учащихся по конфессиональному признаку и тем самым способствовать повышению уровня этноконфессиональной нетерпимости в российском обществе. Участники конференции рекомендуют преподавать в школах, средних специальных, высших учебных заведениях, в т. ч. и исламских, светский курс «Религиоведение»²⁵¹.

Анализ особенностей межконфессионального взаимодействия в республиках Северного Кавказа показывает, что здесь существует прочная основа для межрелигиозной толерантности не только в силу исторической поликонфессиональности и полиэтничности региональной культуры, но и в результате веками сложившегося богатого опыта мирного сосуществования многоконфессионального и многоэтнического населения.

Проблема поиска межконфессионального и межкультурного диалога и согласия с новой силой актуализировалась в России и странах СНГ в так называемый перестроечный период, который характеризуется кризисом экономических и социально-политических отношений, интолерантностью в отношениях между нациями и религиями.

Однако в современных условиях постепенного преодоления социальной нестабильности, укрепления в общественном сознании идей межконфессиональной и межэтнической толерантности лидеры мусульманских организаций вынуждены делать акценты не на различиях догматики и образов мировых религий, не на противоречиях священных писаний, а на единстве всех авраамических религий и истинности религиозного учения вообще. На этой основе наблюдается общая тенденция к сближению позиций между различными конфессиями, возникновение экуменических организаций и движений.

---

²⁵¹ Ислам на Северном Кавказе: история и современность // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006. – С. 633.